

УДК 1 (091)

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ И Н.С. ТРУБЕЦКОЙ: ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА

П.А. Павлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена работам Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», сходству и различию в понимании мыслителями социокультурного развития. Рассматриваются понятия «культура» и «цивилизация», критика понятия «прогресс». Особое внимание уделяется предпосылкам формирования учения евразийцев, заключённым в этих работах.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, человечество, прогресс, культурно-исторический тип, Европа, славянство, исторические народы, европеизация, евразийство.*

В современной России немалое внимание уделяется наследию русских мыслителей, критиковавших классическую парадигму Просвещения с целью заявить о самобытности развития русского государства в полемике со сторонниками европоцентризма. В творчестве этих авторов ищут теоретические основания для принятия концепций поливариантного развития общества, множественности культур, нелинейности прогресса. Подобные идеи в России, перекликавшиеся с европейским консерватизмом и контр-просвещением, развиваясь, образовали самостоятельную традицию. Особого внимания заслуживает в данной связи постановка проблемы социокультурного развития в философии истории евразийства.

Во избежание путаницы в словоупотреблении желательно отличать «евразийскую идею» как таковую от идей, разделяемых евразийцами. Евразийские сборники содержат в себе множество разнородных мыслей, положений, понятий, из которых лишь немногие появляются здесь впервые. Именно поэтому необходимо изучение генезиса идей евразийства в контексте отечественной историософии. Попытаемся рассмотреть филиацию представлений о социокультурном развитии Н.Я. Данилевского и одного из ведущих теоретиков евразийства Н.С. Трубецкого. Отправляясь от сравнительного анализа работ «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского (1871) и «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого (1920), можно обнаружить следующие базисные черты сходства их воззрений при отсутствии прямых ссылок в книге Трубецкого на сочинение его предшественника.

Данилевский начинает с неприязненного отношения европейцев к России, проявившегося в развязывании Крымской войны, Трубецкой – со сравнения мировоззрений шовиниста и космополита, но оба они ведут свою мысль к единому положению: Европа стремится навязать миру свой путь развития как единственно возможный, не приемля отклонений, принимаемых за проявление дикости варварских народов, однако таковым

всемирным образцом она не может являться. Трубецкой пишет: «При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова “человечество”, “общечеловеческая цивилизация” и прочее являются выражениями крайне неточными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия. Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы. Германские и кельтские племена, подвергшиеся в различной пропорции воздействию римской культуры и сильно перемешавшиеся между собой, создали известный общий уклад жизни из элементов своей национальной и римской культуры» [5, гл. 1]. То же определение Европы давал ранее и Данилевский: «Европа есть поприще германо-романской цивилизации – ни более ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация. Оба эти слова – синонимы. <...> Не переводится ли оно точнее «общечеловеческой цивилизацией» или, по крайней мере, ее цветом?» [2, с. 74]. Ответ на этот последний вопрос последует безусловно отрицательный.

Как же мыслители объясняли причину заблуждения в умах подавляющего большинства их образованных современников? «Причины эти заключаются, по моему мнению, прежде всего в неверном понимании самых общих начал хода исторического процесса, – в неясном, так сказать, туманном представлении исторического явления, известного под именем прогресса» [2, с. 88] – заявляет Данилевский, а «Европа и человечество» вторит ему: «“Эволюционная лестница”, “ступени развития” – все это понятия глубоко эгоцентрические. В основе их лежит представление о том, что развитие человеческого рода шло и идет по пути, так называемого, мирового прогресса. Этот путь мыслится, как известная прямая линия. Человечество шло по этой прямой линии, но отдельные народы останавливались на разных точках ее и продолжают и сейчас стоять на этих точках, как бы топчась на месте, в то время, как другие народы успели продвинуться несколько дальше, остановившись и “топчась” на следующей точке, и т. д.» [5, гл. 2]. Привычное деление истории на Древнюю, Среднюю и Новую подвергается на страницах «России и Европы» осуждению: желая создать «естественную систему» исторической науки, как она уже была произведена в естественных науках, Данилевский предлагает своё основание деления: «без различения групп, определяемых степенью развития, усовершенствования организации, от групп, определяемых особенностью плана, типом развития, – естественная система невозможна ни в зоологии, ни в ботанике. Без подобного же различения – степеней развития от типов развития – невозможна и естественная группировка исторических явлений» [2, с. 106], а значит «формы исторической жизни человечества как формы растительного и животного мира, как формы человеческого искусства <...> не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам. Поэтому, собственно говоря, только внутри одного и того же типа, или, как говорится, цивилизации, и можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами: Древняя, Средняя и Новая история» [2, с. 106]. Каждый значительный народ, таким образом, образует собой

отдельный культурный мир [4, с. 136]. Трубецкой утверждает, в свою очередь, о равноценности и качественной несоизмеримости народов и культур (в множественном числе): «Вместо лестницы, мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими, – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо» [5, гл. 2]. Развитие внутри культурных миров представляется, таким образом, самостоятельным, протекающим по общим законам, предопределённым природой.

«Прогресс, как мы сказали выше, состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях», – утверждает Данилевский [2, с. 135], основывая это своё представление на убеждении в том, что поступательное развитие не может быть бесконечным, оставаясь однонаправленным: «Аристотель мог с успехом заниматься зоологией, ботаникой, физикой, логикой, метафизикой, политикой, теорией изящных искусств, а Кювье – только зоологией; но и эта наука стала уже теперь слишком сложна, чтобы возможно было объять все ее отрасли одному человеку; поэтому, по мере того как суживается кругозор ученых, открытия должны принимать все более и более характер частных <...> усложнение, нераздельное с совершенствованием, кладет необходимый предел существенному прогрессу в той отрасли человеческого ведения (или вообще человеческой деятельности), на которую преимущественно употреблялись усилия» [2, с. 134]. Подобное представление у Трубецкого основывалось на невозможности выбрать точки отсчёта в общечеловеческой истории: «...придется признать, что восстановить картину эволюции мы все же не в состоянии. В самом деле, дабы разобраться в том, какой именно фазис эволюции представляет из себя каждая данная существующая культура, мы должны знать определенно, где лежит начало и где конец прямой линии мирового прогресса. <...> Но узнать начало и конец эволюции мы можем не раньше, чем восстановим общую картину эволюции; таким образом, получается заколдованный круг» [5, гл. 2], так же и в работе «Россия и Европа»: «...вообще нет такого события, которое могло бы разделить судьбу всего человечества на какие бы то ни было отделы; ибо до сих пор, собственно говоря, не было ни одного одновременного общечеловеческого события, да, вероятно, никогда и не будет» [2, с. 100]. События общенародного но не общечеловеческого значения, разделяют жизнь отдельных культурных миров на древность/молодость, средние века/зрелость и новое время/старость – только «абберацией дальности» можно объяснить наложение этих отделов на историю человечества, необозримую во времени и многообразии своих явлений. «Всеми живущему – как отдельному неделимому, так и целым видам,

родам, отрядам животных и растений – дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть. Геология и палеонтология показывают, как для разных видов, родов, отрядов живых существ было время зарождения, наивысшего развития, постепенного уменьшения и, наконец, совершенного исчезновения. Как и почему это так делается – никто не знает, хотя и стараются объяснять на разные лады. В сущности же это остарение, одряхление целых видов, родов и даже отрядов не более удивительно, чем смерть отдельных индивидуумов, настоящей причины которой также никто не знает и не понимает» [2, с. 92] – Данилевский усматривает сходство между возрастами в развитии особи и племени, настаивая на количестве этих возрастов, т. е. отделов, на которые подразделяется жизнь во времени, однако настаивает на непременном старении и гибели всякого культурного мира, неизбежности будущего поглощения его более молодыми народами, при котором люди его станут «этнографическим материалом», а достижения его культуры будут переосмыслены в соответствии с представлениями победителей. У Трубецкого этот вопрос не был так подробно разобран, однако и он признаёт изменение внутри отдельных культур (как в сторону усложнения, так и наоборот), которое позволяет им всё более приспосабливаться к вмещающей среде [5, гл. 2].

Здесь мы вплотную подходим к осознанию необходимости нахождения определения «культуры» и «цивилизации» в рассматриваемых нами произведениях. В «Европе и человечестве» эти понятия используются как взаимозаменяемые, Данилевский предлагает различить их во времени каждого культурного мира: «...цивилизация есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни» [2, с. 125]. «Культура» становится, таким образом, «цивилизацией» со временем, период цивилизации сравнительно короток (400–600 лет), а в конце его наступает «апатия самодовольства» или же «апатия отчаяния», народ теряет желание развиваться и существует бессмысленно в ожидании разрушительного внешнего вмешательства. Предшествующее цивилизации состояние может длиться сколько угодно долго, пока внешние воздействия не вызовут её к жизни, при этом «если этнографический период есть время собирания, время заготовления запаса для будущей деятельности, то период цивилизации есть время растраты» [там же, с. 133]. Однако различение, проведённое между означенными понятиями, лишь показывает соотношение «культуры» и «цивилизации», давая только приблизительное представление о ключевом в этой паре понятии «культуры». Трубецкой избегает точного определения культуры/цивилизации, говоря лишь, что она «представляет собою известный запас культурных ценностей, общий нескольким народам, связанным друг с другом узами родства и общей историей» [5, гл. 1]. Дабы понять, что это за ценности и почему узы родства и общее прошлое необходимы для совместного пользования ими, обратимся к следующему вопросу: «Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом, при том приобщение без антропологического смешения обоих

народов между собой?» [5, гл. 1], в частности, возможно ли приобщение русского народа к европейской культуре и ценностям, выработанным европейской цивилизацией: «...если Россия, скажут нам, не принадлежит к Европе по праву рождения, она принадлежит к ней по праву усыновления; она усвоила себе (или должна стараться усвоить) то, что выработала Европа; она сделалась (или, по крайней мере, должна сделаться) участницей в ее трудах <...> возможно ли вообще такое усыновление?» [2, с. 76–77], отсюда также вытекает и другой вопрос: «является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом?» [5, гл. 1], принесёт ли означенное приобщение пользу европейской цивилизации и, конечно же, тем, кто стремится воспринять её ценности.

Данилевский предлагает для решения вопроса уточнить смысл используемых понятий. «Передать цивилизацию какому-либо народу, очевидно, значит заставить этот народ до того усвоить себе все культурные элементы (религиозные, бытовые, социальные, политические, научные и художественные), чтоб он совершенно проникнулся ими и мог продолжать действовать в духе передавшего их с некоторым, по крайней мере, успехом, так чтобы хотя отчасти стать в уровень с передавшим, быть его соперником и вместе продолжателем его направления» [2, с. 117]. Это весьма высокие требования, речь здесь явно идёт о полном превращении одной культуры в другую – несложно догадаться, что положительных примеров такого явления мыслителю обнаружить не удалось. Зато мы можем увидеть здесь список разрядов, на которые подразделяются «культурные элементы», достаточно обширный, чтобы мы могли считать его полным. На страницах «Европы и человечества» нам предлагается умозрительный пример, в целом соответствующий событиям в России XVIII–XIX вв. – усвоение иноземных способов производства, приёмов мышления, бытовых привычек при сохранении остатков старины, переходящих из поколения в поколение неосознанно или даже против воли людей. Это приводит к тому, что «культурная работа европеизированного народа поставлена в гораздо менее выгодные условия, чем работа природного романо-германца. Первому приходится искать в разных направлениях, тратить свои силы над согласованием элементов двух разнородных культур <...> тогда как природный романо-германец идет верными путями, проторенной дорожкой, не разбрасываясь и сосредотачивая свои силы лишь на согласовании элементов одной и той же культуры» [5, гл. 4]. Здесь важно уточнить, что Трубецкой исходил из представлений французского социолога Г. Тарда, переосмысленных им в духе равноправия и несоизмеримости множества отдельных культур, а также несколько дополненных. Основной действующей силой в культуре является, согласно этому учению, подражание, посредством которого общество сохраняет в себе своё наследие. От столкновения двух «подражательных волн» в уме одарённого человека образуется «открытие», которым он спешит поделиться с окружающими, вследствие чего завязывается «борьба за признание» между открытым только что и господствовавшим до того представлением. Победившее мнение посредством подражания усваивается всеми в обществе и тем же путём сохраняется в нём до тех пор, пока

новое противоречие между принятыми точками зрения не приведёт к следующему открытию. Именно то, что передаётся через подражание, и есть «культурная ценность», т. е. «всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: это может быть и норма права, и художественное произведение, и учреждение, и техническое приспособление, и научное или философское положение» [5, гл. 3]. Этот список, конечно, не повторяет в точности разновидности «культурных элементов», а поскольку сложно сказать, какой из списков содержательно шире, примем их как взаимодополняющие. Кроме подражания, сохраняющегося в среде подвергаемого внешнему воздействию народа, положительно или отрицательно влиять на усвоение чужеродных ценностей могут также наследственность и географические особенности. Именно из действия этих причин выводится Трубецким приведённое выше положение о невозможности заимствования ценностей культуры без смешения народов, их слияния до полной неразличимости. Последствия этого затруднения следующие: «...возможен лишь суррогат полного усвоения культуры, при котором усваивается лишь “статика” культуры, но не ее “динамика”, т. е. народ, усвоив современное состояние европейской культуры, оказывается неспособным к дальнейшему развитию ее и каждое новое изменение элементов этой культуры должен вновь заимствовать» [там же, гл. 6], вследствие этого «данный народ всегда будет “отставать”. Устранять последствия этих спорадических ощущений отсталости можно лишь столь же спорадическими историческими прыжками. История европеизированных народов и состоит из этой постоянной смены коротких периодов быстрого “прогресса” и более или менее длительных периодов “застоя”» [5, гл. 4]. Об этом же, как мы имели возможность увидеть ранее, говорил и Данилевский, предложивший аллегорию из области садоводства для различения трёх способов перемещения культуры. «Пересадка» предполагает переселение части носителей культуры на новое место, где они замкнутся в себе и будут жить согласно старым обычаям. «Прививка» подразумевает использование представителями «высшей» культуры «жизненных соков», производимых остатком народа «низшей» культуры (несомненно, пользование производением чужого труда приносит выгоду, но лишь одной из сторон этого «союза»). Наиболее полезным на страницах «России и Европы» представляется «удобрение», о котором говорится, что именно «под такими условиями народы иного культурного типа могут и должны знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, то есть выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности. Все же остальное, в особенности все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования, а может быть только принимаемо к сведению как один из элементов сравнения» [2, с. 124]. То есть полезным признаётся выборочное заимствование отдельных достижений иных культур, так же и у Трубецкого: «Смотря на романогерманскую культуру лишь как на одну из возможных культур, они возьмут из нее только те

элементы, которые им понятны и удобны, и в дальнейшем будут свободно изменять эти элементы, применительно к своим национальным вкусам и потребностям» [5, гл. 6].

Именно такие воззрения определяют точку зрения мыслителей на человека, олицетворяющего в русской истории мечтательный взгляд на Запад: «Петр Великий в начале своей деятельности хотел заимствовать у “немцев” лишь их военную и мореплавательную технику, но постепенно сам увлекся процессом заимствования и перенял многое лишнее, не имеющее прямого отношения к основной цели. Все же он не переставал сознавать, что рано или поздно Россия, взяв из Европы все, что ей нужно, должна повернуться к Европе спиной и продолжать развивать свою культуру свободно, без постоянного “равнения на запад”. Но он умер, не подготовив себе достойных преемников. Весь восемнадцатый век прошел для России в недостойном поверхностном обезьянничании с Европы» [там же] и ещё однозначнее: «Если Европа внушала Петру страстную любовь, страстное увлечение, то к России относился он двояко. Он вместе и любил, и ненавидел ее. Любил он в ней собственно ее силу и мощь, <..ю> любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни – самую жизнь эту, как с ее недостатками, так и с ее достоинствами» [2, с. 318]. Дальнейшее шествие «Европы» по «России» вполне можно, применяя деление Данилевского, назвать «прививкой», сопровождаемой всеми прелестями бироновщины. Следствия же из такого положения многообразны, но кое-что стоит выделить особо. «В народе, заимствовавшем чужую культуру, – пишет Трубецкой – каждое поколение живет своей особой культурой, и различие между “отцами и детьми” здесь будет всегда сильнее, чем у народа с однородной национальной культурой. <...> Большею частью европеизация идет сверху вниз, т. е. охватывает сначала социальные верхи, аристократию, городское население, известные профессии и затем уже постепенно распространяется и на остальные части народа. <...> Социальные, имущественные и профессиональные различия в среде европеизированного народа гораздо сильнее, чем в среде природных романо-германцев, именно потому, что ко всем этим различиям присоединяются различия этнографические, различия культур» [5, гл. 4]. То же сказано и у Данилевского: «Вследствие изменения форм быта русский народ раскололся на два слоя, которые отличаются между собой с первого взгляда по самой своей наружности. Низший слой остался русским, высший сделался европейским – европейским до неотличимости. Но высшее, более богатое и образованное, сословие всегда имеет притягательное влияние на низшие, которые невольно стремятся с ним сообразоваться, уподобиться ему, сколько возможно. Поэтому в понятии народа невольно слагается представление, что свое русское есть (по самому существу своему) нечто худшее, низшее» [2, с. 329]. Несколько иное объяснение того же явления предлагается на страницах «Европы и человечества»: «Европеизированный или стремящийся к европеизации народ заражается этой чертой романо-германской психики, но, не сознавая ее истинной эгоцен-

трической подкладки, не ставит себя на место европейца, а, наоборот, оценивает все, в том числе и самого себя, свой народ и свою культуру, именно с точки зрения романо-германца» [5, гл. 4].

Кроме того, что мы находим в трудах мыслителя, нам иногда приходится обращать внимание на то, чего там нет. В первой значительной книге, написанной евразийцем, отсутствует... евразийство. Для пояснения приведу мнение современного исследователя: «Возведение евразийства к поздним последователям славянофильства – панславистам вроде Н.Я. Данилевского – еще более сомнительно. Евразийцы были далеки от позитивистской апологии методов естественных наук, на которой строится теория культурно-исторических типов. Кроме того, евразийцы были принципиальными противниками самой идеи панславизма и даже отрицали наличие единой славянской культуры, считая, что славянство давно уже разделилось и разные его части принадлежат разным, порой антагонистическим культурам (южное славянство – балканской культуре, западное – европейской, восточное – евразийской). Н.С. Трубецкой даже облек этот тезис в форму эпатажного утверждения: славянство – не более чем лингвистическая категория» [1, с. 124–125]. Данилевский, производя дробление человечества на «культурные типы», принимает за основание деления признанные в то время языковые группы (несомненно это у индоевропейцев или, как тогда говорили, арийцев). Трубецкой повторяет названия культурных миров из «России и Европы» – слово «романо-германцы» постоянно применяется им к «Европе», но также упоминается и славянство, пусть даже вскользь. Примеры этого употребления таковы: «Чем объясняется это противоречие? Почему общероманогерманский шовинизм имеет бесспорный успех у славян, тогда как достаточно малейшего намека на германофильскую пропаганду, чтобы заставить славянина насторожиться?» [5, гл. 1]. Здесь мы видим, как лингвистическая категория несомненно оживает так, что даже переживает вполне человеческие чувства. И ещё: «...человечество, состоящее в своем большинстве из славян, китайцев, индусов, арабов, негров и других племен, которые все, без различия цвета кожи, стонут под тяжелым гнетом романо-германцев и растрачивают свои национальные силы на добывание сырья, потребного для европейских фабрик» [5, гл. 6]. Эти примеры, в особенности, второй, а также отсутствие более или менее развёрнутых рассуждений о степях Евразии, кочевниках и т. д. не могут не навести на мысль о том, что точка зрения Данилевского ещё не была отброшена Трубецким во время написания книги.

При всём множестве сходств, найденных нами между двумя рассматриваемыми произведениями, существуют вопросы, по которым авторы высказывают весьма различные мнения. В частности, в отличие от Трубецкого, говорившего о «равноценности и качественной несоизмеримости» народов, Данилевский допускает существование народов «неисторических» вполне в гегелевском духе, за тем исключением, что «исторических» путей развития было несколько, а не один. О таких народах он писал, что они «не жили самостоятельной исторической жизнью, потому ли, что вовсе не имели для сего внутренних задатков, или потому, что обстоятельства

для них сложились неблагоприятно и возможность их исторического развития была уничтожена в такой ранний период их жизни, когда они составляли только этнографический материал» [2, с. 37]. Некоторые из таких народов, соединившись в большие толпы, могли послужить «бичом Божиим» для народов культурных, но затем исчезнуть, как это было с гуннами или монголами [там же, с. 111]. Собственно евразийская идея действительно имеет непреодолимое разногласие с учением Данилевского, писавшего, например: «...тысячу лет строиться, обливаясь потом и кровью, и составить государство в восемьдесят миллионов для того, чтобы потчевать европейской цивилизацией пять или шесть миллионов кокандских, бухарских и хивинских оборванцев, да, пожалуй, еще два-три миллиона монгольских кочевников, – ибо таков настоящий смысл громкой фразы о распространении цивилизации в глубь Азиатского материка» [там же, с. 79]. Данилевский и евразийство, образовавшееся позднее, чем была напечатана «Европа и человечество», как можно заключить из приведенных выше выдержек, помещали Россию во главе весьма различных культурных, исторических и географических миров. Однако несомненно влияние труда «Европа и человечество» на возникновение евразийства: во-первых, публикация этой работы породило споры, из которых возник евразийский кружок [3, с. 73–74], во-вторых, значительная часть мыслей, впоследствии служивших основой евразийского мировоззрения, были высказаны в этой книге, пусть даже многие из них прозвучали не впервые. Именно на согласии с предположением о множественности равноправных культур, сосуществующих и сменяющих друг друга, спорящим с общепринятой точкой зрения на развитие человечества как однонаправленный прогресс, основываются многие из дальнейших изысканий евразийцев.

Проведенный сравнительный анализ воззрений Н.Я. Данилевского и Н.С. Трубецкого на проблему социокультурного развития свидетельствует о связи воззрений одного из основоположников евразийства с традицией русского славянофильства, в границах которого достаточно остро представлена критика линейно-прогрессистского, европоцентристского видения истории, рожденного проектом Просвещения. Принимая многие тезисы Данилевского в трактовке социокультурного развития, Трубецкой делает их созвучными современной ему общественно-политической ситуации. Предложенная им критика просвещенческой трактовки социокультурного развития во многом релевантна сознанию открытости и поливариантности истории, характерному для нашей эпохи.

Список литературы

1. Вахитов Р. Р. Евразийство и европеизация в России XX века: «российский ориентализм» и антиориентализм евразийства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальневосточный государственный технический университет, 2013. С. 123–129.

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
3. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / сост. С. Ю. Ключников. М.: Беловодье, 1997. 525 с.
4. Парамонова М.Н., Павлов П.А. Смоленск — православное пограничье // Годы. Смоленск, 2011. № 2. С. 135–149.
5. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm> (дата обращения: 29.10.2015).

N.Y. DANILEVSKY AND N.S. TROUBETZKOY: THE PROBLEM OF SOCIOCULTURAL PROGRESS

P.A. Pavlov

Tver State University, Tver

The article is focused on the analysis of N. Y. Danilevsky's «Russia and Europe» and N. S. Trubetskoy's «Europe and humanity», similarities and differences of sociocultural development understanding by these two thinkers in their major works. The article examines the concept of «culture» and «civilization», as well as the criticism of the concept of «progress». Special attention is paid to the prerequisites for the formation of the doctrine of Eurasianism contained in these works.

Keywords: *culture, civilization, humanity, progress, cultural-historical type, Europe, the Slavdom, the historical Nations, Europeanization, Eurasianism.*

Об авторе:

ПАВЛОВ Павел Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: pavloffpavel@yandex.ru

Author information:

PAVLOV Pavel Aleksandrovich – Ph.D. student of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: pavloffpavel@yandex.ru